

Научная статья

УДК 340.1

DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-4-15-19

Национально-территориальное единство Российского государства в представлениях монархической эмиграции 1920-х годов

Федор Сергеевич Сосенков¹,
Надежда Иосифовна Биюшкина²

Нижегородский государственный университет
Нижний Новгород, Россия

¹f.sosenkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5645-9510>

²asya_biyushkina1@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6796-4600>

Аннотация

В статье анализируются воззрения русских эмигрантов-монархистов 1920-х гг. на способы обеспечения единства России. Рассмотрены позиции трех основных идейных групп монархической эмиграции: правых консервативных партий, левых либеральных обществ и центра. Особое внимание уделено архивным материалам Рейхенгалльского съезда русской эмиграции 1921 г. Различные монархические организации, несмотря на разницу во взглядах на будущее устройство государства, сходились на двух основных путях обеспечения национально-территориального единства: предоставление отдельным регионам прав национально-культурной автономии совместно с широким местным самоуправлением и формирование гражданской нации.

Ключевые слова

национально-территориальное единство, монархия, эмиграция, монархические организации, сепаратизм, Рейхенгалльский съезд русской эмиграции, унитарное государство, национально-культурная автономия

Для цитирования

Сосенков Ф. С., Биюшкина Н. И. Национально-территориальное единство Российского государства в представлениях монархической эмиграции 1920-х годов // Юридическая наука и практика. 2023. Т. 19, № 4. С. 15–19. DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-4-15-19

National-Territorial Unity of the Russian State in the Representations of the Monarchical Emigration of the 1920s

Fedor S. Sosenkov¹,
Nadezhda I. Biyushkina²

Nizhny Novgorod Lobachevsky State University
Nizhny Novgorod, Russia

¹f.sosenkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5645-9510>

²sya_biyushkina1@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6796-4600>

Abstract

The article analyzes the views of Russian emigrants-monarchists of the 1920s on ways to ensure the unity of Russia. The positions of three main ideological groups of monarchical emigration are considered: right-wing conservative parties, left-wing liberal societies and the center. Special attention is paid to archival materials of the Reichengall Congress of Russian Emigration in 1921. Various monarchical organizations, despite the difference in views on the future structure of the state, converged on two main ways to ensure national-territorial unity: granting individual regions the rights of national-cultural autonomy together with broad local self-government and the formation of a civil nation.

© Сосенков Ф. С., Биюшкина Н. И., 2023

Keywords

national-territorial unity, monarchy, emigration, monarchical organizations, separatism, Reichengall Congress of Russian emigration, unitary state, national-cultural autonomy

For citation

Sosenkov F. S., Biyushkina N. I. National-territorial unity of the Russian state in the representations of the monarchical emigration of the 1920s. *Juridical Science and Practice*, 2023, vol. 19, no. 4, pp. 15–19. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2023-19-4-15-19

Бурные политические процессы России XX в. привели к тому, что значительная часть наших соотечественников покинула страну. Достаточно многочисленны, хотя и структурно разрознены, в эмиграции были монархисты. За границей их организации составляли три основные идейные группы: 1) правые, консервативные партии, стремившиеся к реставрации самодержавия без существенных изменений; 2) левые – либеральные общества, стоявшие на позициях модернизации русской монархии; 3) центр, характеризующийся промежуточными позициями, занимающий временами сторону правых или левых [1, с. 9]. Вопросы единства России, ее территориальной целостности были одними из ведущих в программах монархической эмиграции. Несмотря на различные программные нестыковки, основой единства России для большинства монархистов было унитарное государственное устройство, признание русского народа государствообразующим и православия первенствующей конфессией. Вероятно, общую позицию для всех русских монархистов-эмигрантов выразил член совета Русского монархического объединения в Англии Ф. Э. Вильчинский (18?? – после 1922). В своей записке «О задачах 2-го Съезда монархистов» (1922 г.) он возлагает надежду на восстановление утраченного национально-территориального единства империи: «...переход с отречением от прежних заблуждений и готовностью всемерно содействовать возстановлению Царской Власти в России, – русское монархическое движение может только приветствовать как прообраз объединения всей нашей Великой Родины» [2, л. 20–21].

Одним из форумов, который объединил для обсуждения программных позиций и текущих вопросов монархическую эмиграцию, стал Рейхенгалльский съезд русской эмиграции в 1921 г. Интересующие нас в рамках данной работы вопросы были освещены в докладе Е. А. Ефимовского (1885–1964) «Децентрализация и отношение к окраинам». Поскольку съезд объединил сторонников монархии, то ожидаемо акцентировалось внимание на фигуре монарха как гаранта и символа единой России, причем докладчик прямо говорит о целесообразности продолжения царственной династии: «Нужен носитель идеи единства государства, нужен суперарбитр национальностей» [3]. Как представляется, в докладе указывается на федерацию, построенную на национальном принципе, как единственно допустимую форму воссоздания Империи и обеспечения ее единства. При этом термины не называются, но очевидно, что речь идет об унитарном государстве как утерянной возможности и о федерации как разумном пути государственного строительства [3]. Определенные усилия для преодоления как шовинистских, так и сепаратистских настроений должны приложить все участники такого объединения. Докладчик отметил, что для этого русским «нужно победить национальность» [1, с. 115], «сделать национальную общественность» [1, с. 115], вместе с тем «нерусским националистам нужно победить антигосударственность своих национальных привычек. Для них Россия должна стать не пугалом, а общим домом» [1, с. 115].

В пользу определения модели Е. А. Ефимовского как федеративной говорит и наделение территориальных образований правом издавать собственные законы. Сдерживать центробежные силы должно ограничение предметов ведения и процедура утверждения законов: «Основным элементом децентрализации являются автономные области... с предоставлением им права издавать законы, утвержденные Монархом по тем вопросам местной жизни, кои не касаются всего государства» [3].

Резолюция по итогам выступления, на наш взгляд, была умеренней самого доклада и раскрывала, если не считать некоторых уступок административным единицам, позиции унитаризма с допускаемой автономией. При этом пределы самоуправления ограничивались стратегической целью сохранения целостности государства: «Государственное устройство России должно быть основано, между прочим, на передаче местным автономным и иным областным самоуправлениям всех тех предметов ведения в делах местного законодательства, управления и суда, кои, не имея в отдельности общегосударственного значения, сохраняют во всей полноте общегосударственную связь, образующуюся из совокупности областей и стран в Единую Российскую Империю» [4, с. 32]. Следует отметить, что в деле децентрализации сторонники монархии пошли достаточно далеко, поскольку признание за автономиями права на собственное законодательство, как было отмечено выше, относятся традиционно к признакам федерации. Кроме этого, восстановление «единой и неделимой» России планировалось уже без Польши и Финляндии [1, с. 117], которые, вероятно, рассматривались как окончательно завоевавшие суверенитет.

Унитаризм с некоторыми оговорками был основным признаваемым монархистами путем объединения России после ожидаемого ими свержения власти большевиков. Так называемое легитимистское крыло монархического движения стояло на позиции возможности диктатуры в центре с предоставлением экономических свобод и «внутренней самобытности» областям [1, с. 79]. Интересно, что автономия, как правило, «предусматривалась для национальных регионов, а ее степень должна была определяться вкладом, внесенным соответствующей народностью в борьбу с большевизмом» [1, с. 111].

Жесткий унитаризм как средство обеспечения единства России не был особенно популярен, однако присутствовал в программах крайне правых партий. Смысл подобных моделей сводился к упразднению органов местного самоуправления (земств) и замене их собственно государственными органами [1, с. 91].

Стремление обеспечить единство России, предоставляя наиболее приемлемые для получивших де-факто определенную самостоятельность регионов России условия, приводило порой к конструированию достаточно причудливых форм государственного устройства. Так, великий князь *Кирилл Владимирович* (1876–1938) в 1925 г. предусмотрел возможность предоставления одним национальным регионам управленческой самостоятельности, вторым – автономии, третьи предлагалось включить в состав империи на федеративных принципах [1, с. 124]. Особенности форм государственного устройства были, видимо, для наследника престола не вполне ясны, поскольку однажды он заявил, что российская модель, «может быть, будет похожа на таковую в Соединенных Штатах: ряд самостоятельных отдельных государств, соединенных в один, почти федеративный союз» [1, с. 123]. Отметим, что подобная уступчивость развивалась у лидеров монархического движения в условиях крепнущего советского национально-территориального единства. Показательно, что всего тремя годами ранее Кирилл Владимирович не был готов ни на какие компромиссы в отношении национально-территориального единства и отверг, к примеру, предложение Временного Дальневосточного правительства «возглавить монархическое движение в Восточной Сибири с титулом Государя Приамурского и Блюстителя Всероссийского Престола» [2, л. 1]. Отказ, изложенный в рескрипте Кирилла Владимировича на имя Председателя Высшего монархического совета Н. Е. Маркова (22.12.1921/04.01.1922), мотивировался несоответствием масштаба предложения задачам, стоящим перед монархическим движением: «Я сие право Старшинства по долгу перед Богом и Родиной решил осуществить и лично возглавить все Русское монархическое движение... По вопросу о Восточной Сибири сообщаю Вам, что принципиально нахожу полезным возглавить монархическое движение в упомянутом крае одним из Великих Князей по моему выбору и назначению с правами и званием, присущим Наместнику Законного Носителя Верховной Власти в Российской Империи» [2, л. 2].

Национальная политика, проводимая в СССР и РСФСР, породила к середине 1920-х гг. значительные разногласия в среде монархической эмиграции по вопросам единства России, точнее, ее возможных границ в случае краха большевистского режима. Консервативная часть стояла на необходимости воссоздания границ Российской империи, исключая Польшу и Финляндию. Позиции умеренного крыла на Всеэмигрантском съезде 1926 г. в Париже выразил князь *Л. В. Урусов* (1877–1933), констатирующий, что Россия не будет посягать на независимое существование возникших на ее территории государств [1, с. 115]. При таких настроениях, а также учитывая практическое внедрение в СССР федеративных начал, определенная, хоть и небольшая численно, часть монархических организаций ориентировалась уже на «новое федеративное начало» [1, с. 124].

Осознание того, что без решения всевозможных национальных вопросов обеспечение стабильного единства России невозможно, приводило монархистов различных оттенков к двум примерно одинаковым выводам. Во-первых, без самоопределения в той или иной форме народностей, многие из которых вполне самоидентифицировались, национальный вопрос становился постоянной «бочкой пороха» под целостностью государства. Вместе с тем политическая автономия была совершенно неприемлема для крайних монархистов и нежелательна для умеренных. В результате то, что предлагалось национальным регионам («права свободного развития их национальной жизни», «уважения национальных особенностей»), представляло собой национально культурную автономию, хотя сам термин старались не обозначать. Отметим, что культурно-национальная автономия как обязательное условие включала сохранение статуса русского языка как общенационального. В качестве замены политического самоопределения предлагалось зачастую «широкое местное и областное самоуправление» (например, лидером Русского народно-монархического союза конституционных монархистов *С. С. Ольденбург* (1888–1940)) [5, с. 20]. Во-вторых, конфликты на национальной почве, чреватые разрушением территориальной целостности, могли предотвратить формирование гражданской нации. Парижский Всеэмигрантский съезд 1926 г. (Российский зарубежный съезд) в этой связи объявил курс на «воссоздание государственного ядра русского народа» из различных национальностей, проживающих в России [1, с. 120].

Список литературы

1. **Антоненко Н. В.** Идеология и программатика русской монархической эмиграции. Мичуринск: Изд-во Мичуринского гос. аграрного ун-та, 2007. 205 с.
2. О задачах 2-го съезда монархистов, о престолонаследии и о «главе движения», об отношении к националистам, к социалистам. Копия рескрипта вел. кн. Кирилла Владимировича на имя Николая Евгеньевича Маркова. Об отношении к Сибирскому монархическому движению. Список русских масонов за границей и принадлежность их к определенным ложам. В списке фамилии царского правительства и Временного правительства: Коновалов, Маклаков, Гучков, Милуков; Петлюра и Зиновьев, Троцкий и Радек // Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-3747. Оп. 1. Д. 1.
3. **Серёгин А. В.** Рейхенгалльский монархический Съезд 1921 года о принципах формирования будущей имперской власти в России. URL: http://www.rusnauka.com/29_NIOXXI_2012/Istoria/2_116231.doc.htm (дата обращения: 20.09.2015).
4. **Данченко Е. В.** Проекты российской конституции в среде русской эмиграции. К. П. Крамарж // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2007. № 1–2. С. 32–39.
5. **Галас М. Л.** Монархические идеологемы Русского зарубежного съезда 1926 г. // История государства и права. 2008. № 18. С. 20–22.

References

1. **Antonenko N. V.** Ideology and programatics of the Russian monarchical emigration. Michurinsk: Izdatel'stvo Michurinskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta, 2007. 205 p. (in Russ.)
2. About the tasks of the 2nd Congress of monarchists, about the succession to the throne and about the "head of the movement", about the attitude to nationalists, to socialists. A copy of the rescript of the great book by Kirill Vladimirovich addressed to Nikolai Evgenievich Markov. About the attitude to the Siberian monarchist movement. A list of Russian Freemasons abroad and their affiliation to certain lodges. The list includes the names of the Tsarist government and the Provisional Government: Konovalov, Maklakov, Guchkov, Milyukov; Petlyura and Zinoviev, Trotsky and Radek // State Archive of the Russian Federation. F. P-3747. In. 1. B. 1.
3. **Seregin A. V.** The Reichengall Monarchical Congress of 1921 on the principles of the formation of the future imperial power in Russia. URL: http://www.rusnauka.com/29_NIOXXI_2012/Istoria/2_116231.doc.htm (date of application: 20.09.2015)
4. **Danchenko E. V.** Drafts of the Russian Constitution in the environment of Russian emigration. K. P. Kramarzh // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudenciya. 2007. No. 1–2. Pp. 32–39. (in Russ.)
5. **Galas M. L.** Monarchical ideologems of the Russian Foreign Congress of 1926 // Istoriya gosudarstva i prava. 2008. No. 18. Pp. 20–22. (in Russ.)

Сведения об авторах

Федор Сергеевич Сосенков, доктор юридических наук, доцент, заместитель декана юридического факультета, доцент кафедры конституционного и муниципального права Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Надежда Иосифовна Биюшкина, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебной и прокурорской деятельности Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского

Information about the Authors

Fedor S. Sosenkov, Doctor of Legal Sciences, Docent, Deputy Dean of the Faculty of Law, Associate Professor of the Chair of Constitutional and Municipal Law of Nizhny Novgorod state university

Nadezhda I. Biyushkina, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Chair of Department of Judicial and Prosecutorial Activity of Nizhny Novgorod state university

Статья поступила в редакцию 17.10.2023;

одобрена после рецензирования 03.11.2023; принята к публикации 03.11.2023

The article was submitted 17.10.2023;

approved after reviewing 03.11.2023; accepted for publication 03.11.2023